

Сестра на стойке регистрации прислала мне подборку ежегодных видеороликов о кошках, один за другим. Последние несколько дней мой телефон либо показывал кривую индекса венчурного капитала, либо издавал всевозможные странные кошачьи звуки.

На итоговом собрании в субботу речи на сцене были невероятно скучными.

Я сидел в заднем ряду, тихо открыл последнее видео и положил телефон на брюки от костюма, чтобы посмотреть.

Очень скоро я понял одну проблему.

Коты в видео, когда взаимодействуют с людьми, всегда издают сладкие, приторные или кокетливые звуки. Когда они сердятся, они широко раскрывают круглые глаза, задирают хвост и делают «ха». Некоторые болтливые коты, как тетка Сянлин, все время ворчат.

Мой кот, судя по тому, что я подобрал его, почти никогда не мяукает и почти никогда не показывает ярких эмоций.

Даже когда его ловят за то, что он грызет провода, а я стучу ему пальцем по голове, когда я отправляю его купаться, и прижимаю его к столу, чтобы высушить феном, когда он голодный и видит, что в миске нет корма, мой кот всегда скуп на слова и хранит молчание.

Только когда я возвращался домой из командировки глубокой ночью и ставил багаж в прихожей в темноте, мой кот выходил из комнаты, обвивал мои ноги легкими шагами, словно облачко благой ауры, и выпускал из горла тихий, послушный звук, будто один-два вздоха, опущенных в ночи, мягко колышущихся у моих ног. Мой кот думал обо мне, когда я дома.

Когда я впервые встретил моего бывшего парня, он тоже был немногословным. Ничто вокруг как будто не вызывало у него интереса, и иногда я чувствовал, что разговариваю со стеной.

Девочка с первой парты говорила, что я слишком шумный, и что рядом со мной он кажется очень спокойным.

Я отвечал, что мой сосед по парте просто ждет судьбоносной встречи, и этой встречей буду я.

Девочка с первой парты сделала лицо: «Не стыдно же вообще».

Я продержался пару дней и не выдержал:

— Эй, сосед по парте, поговори со мной, болтать же бесплатно.

Сосед поднял руку, чтобы написать объяснение, и, закончив ставить двоеточие, облегченно выдохнул, покрутил ручку и сказал:

— О чем говорить?

Я был в восторге. Наконец этот человек понял намек! Но тема для разговора, которую он выбрал, заключалась в том, что, когда я спрашивал его мнение после длинной речи, он вставлял одно из четырех видов «хмм» в зависимости от содержания.

Некоторое время я тихонько называл его «четыре угу» у себя в голове.

— Ты странный. — сказал я, но знал, что он слушает внимательно. — Кстати... посмотри, мой сосед по парте, соседний класс сегодня одет как цесарка...

Сосед вдруг сказал «А?» и уголок его губ дернулся в застывшей дуге. Он повернул голову посмотреть, потом вернулся, и серьезным тоном сказал мне:

— Так нельзя говорить о людях.

Мой сосед по парте и правда был джентльмен. Позже, когда мы сошлись на общем понимании, он стал говорить больше. Но чаще всего говорил я, а он слушал.

Наверное, я плохо на него влиял, потому что иногда он делал очень смелые вещи: мям мои волосы, щипал меня за щеку, украдкой хватал меня за руку под партой, переплетал пальцы или в классе самоподготовки, где все дремали, наклонял голову и быстро, точно целовал мои костяшки пальцев.

Пока однажды мой сосед не взял отгул и ушел домой, чтобы пропасть на три дня, прежде чем вернуться.

А потом целый месяц он снова стал молчаливым. Еще молчаливее, чем раньше.

Я спрашивал его бесчисленное количество раз, что случилось, но он только гладил меня по голове и молча качал головой.

Я смотрел на его размытое лицо, скрытое в тумане утренней пробежки, и чувствовал смутное беспокойство. Потом вспоминал сцену, которую увидел раньше у него дома, и мне становилось немного яснее, но я все равно не знал, чем могу ему помочь.

Мой сосед по парте очень тяжело открывался, если не хотел говорить.

Он всегда предпочитал держать все в себе, глотать трудности внутрь, убирать парящие эмоции в глубины и заменять их складкой между бровями.

Это очень плохо.

И наши отношения тоже были безысходными.

Даже если я хотел обнять его, мне приходилось выбирать время и место, как партизан, держать ухо востро, смотреть по сторонам, чтобы суметь передать ему ту заботу, что я не мог выразить словами, в виде тихого объятия.

Когда я наконец силком вытащил его наружу и прижал к себе, будто переключатель щелкнул, тогда он сразу же обрушил весь свой вес на меня.

Я гладил его по спине.

Тело соседа дрожало, голос рвался на клочки, он говорил отрывисто.

Я осторожно вслушивался. Эти слабые фразы быстро растворялись в темноте, и я успел уловить лишь несколько слов: «неизлечимо...», «сестра...», «долги...», «отец...».

— Если я... — сосед снова задохнулся. — Если...

— Если что? — я легко похлопал его по спине

Сосед обнял меня еще крепче, так что мне стало трудно дышать.

В конце концов он так ничего и не сказал. Уткнулся лицом мне в шею и с обидой сказал, как ребенок:

— Я в будущем заработаю много денег.

Мои пальцы прошлись по линиям его лопаток.

— Хорошо. И я хочу заработать много денег. Тогда нам будет нечего бояться.

Спустя годы, каждый раз, вспоминая этот момент, я всегда жалел, что не расспросил его.

Я вышел из лифта в оцепенении, приложил палец к датчику двери и поднял кота, выбежавшего ко мне, на руки.

«Как же давно мы с тобой не разговаривали так много, как раньше?» подумал я.

«Ты, может, не можешь сказать то, что хочешь сказать, но ты вынужден говорить то, чего не хочешь. Я говорил себе, что это жизнь, что это норма, выживает тот, кто приспосабливается».

Но меня все равно мутило от этого.

Я мягко почесал коту подбородок:

— Ты можешь злиться на меня. Если тебе плохо, тебе нужно это выражать, это нормально. Я больше не оставлю тебя одного.

Теперь я вполне резонно подозревал, что мой кот – мой бывший парень

Доказательство пятое:

Мой кот немного говорит, и у моего кота есть то, что он держит скрывает в сердце.

<http://bllate.org/book/14307/1266054>